

К ВОПРОСУ ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Кузьмина Мария Александровна

Кандидат филологических наук

Институт филологии СО РАН

630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
кафедра Общего и русского языкознания

Гуманитарного института

Новосибирского государственного университета,

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

mash_room@mail.ru

В статье обсуждается важность аксиологического подхода к человеческому сознанию как объекту психолингвистики. Человек характеризуется набором не только биосоциальных и культурных черт, но и качеством, отличающим его от прочего мира живой природы, – осознанием себя, своего места в этом мире и цели своего существования. Этническая самоидентификация индивида не выводит его автоматически на уровень национального самосознания, формирующегося вместе с пониманием ответственности, смысла деятельности и ценностей, которыми человек руководствуется в жизни. Междисциплинарность психолингвистического подхода проявляется в выборе методологии психологической науки в лингвистических исследованиях. В статье рассматривается путь психологии как науки с точки зрения становления её объекта, а также анализируются эвристичные для психолингвистической методологии подходы – экзистенциальный анализ В. Франкла и христианская, или «нравственная», психология.

Ключевые слова: аксиологическая психолингвистика, научное мировоззрение, национальное самосознание, нравственная психология, религиозное мировоззрение, христианская психология, ценности, экзистенциальный анализ, этническая самоидентификация

Введение

Научное исследование начинается с вопрошания, как философия – с удивления. Источником как удивления, так и вопрошания служит многообразие способов существования прекрасного мира вокруг нас. На передний план современной научной «арены» выходит вопрошающий субъект – то самое субъективное начало, которое стало в последние десятилетия центральным объектом исследования гуманитарных наук, объединившихся ради общей цели и открывших междисциплинарный диалог (полилог). Во главу угла ставится предмет исследований – человек во множественности своих проявлений: *Homo loquens*, *Homo creans*, *Homo sentiens*¹, не говоря уже о *Homo ludens* (Й. Хейзинга) и даже *Homo piger* (И. Левонтина). Поэтому видится уместным начать статью с личного (субъективного!) воспоминания, которое, надеемся, не будет выглядеть инородным элементом в исследовании, посвящённом проблемам психолингвистики, а наоборот, возможно, дополнит указанный ряд ещё одним «субъектом» – *Homo peregrinator* (Человек путешествующий).

¹ См. [Зыкова 2017].

Со времени нашего семейного путешествия по «Золотому кольцу» в мае 2018 года не изгладилось из памяти одно поразительное впечатление – это дикая, близкая к варварству «мерзость запустения», которая обнаружилась в одном святом месте Древней Руси – Успенском соборе Ростовского кремля. Грандиозность и в то же время трогательность любовно украшенных фасадов невольно рождали мысль о том, какое, должно быть, неизгладимое впечатление этот собор-богатырь производил на древнерусского крестьянина. Вероятно, тот крестьянин, стянув шапку, так и застывал перед священной громадой... Нов наше время, в эпоху центрального отопления и прочих цивилизационных достижений, внутри собора царит пробирающий до костей холод (не отапливаемый храм вымораживается зимой, а потом весной и летом «отдаёт» холод), а перед глазами – зияющие отверстия на облупленном иконостасе вместо икон, как в заброшенном доме, где уже давно никто не живёт.

Закономерно возникает вопрос, требующий не только общественного обсуждения, но и научного осмысления, как вопрос крайне важный: те люди, которые строили этот собор, украшали его и благодетелили ему, и те, кто разрушил его внутреннюю жизнь и кто сейчас равнодушно смотрит на прозябание народной святыни, – это один и тот же народ? Если да, то как в сознании одного народа могут уместиться такие взаимоисключающие доминанты – культурная, храмостроительство, и какая-то «внекультурная» (или «антикультурная», как некий «антимир») – равнодушие к великим артефактам своей страны? Поскольку если «культура – это святыни народа» (Д.С. Лихачёв), то отсутствие святынь свидетельствует о том, что чего-то в культурном ядре явно недостаёт. Или же здесь речь о «парадоксах национального самосознания», как их называл И.Л. Волгин, говоря о русском народе²?

Именно такие и подобные им вопросы являются предметом исследования в рамках психолингвистического подхода. За последние десятилетия очевидных успехов в изучении связки «сознание – язык – культура» добились исследователи в рамках Московской психолингвистической школы, чьи подходы базируются на крепком фундаменте достижений и мысли отечественной психологии, в частности, на теории речевой деятельности (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский и др.). В русле психолингвистического подхода рассматривается деятельностная модель человека, в которой его социальные качества оказывают решающее влияние на индивидуальные свойства, и, определяя своеобразие коммуникативных, интеллектуальных и других психологических черт, формируют индивидуальный образ мира. Такая модель позволяет увидеть целостный образ мира человека, определяемый, с одной стороны, воздействием социума, с другой, – степенью свободы самой индивидуальности [Бубнова 2017: 107–108]. Психолингвистический подход направлен, таким образом, на решение комплексной проблемы содержания образа мира личности и национального образа мира, которое эксплицировано в языковом сознании (овнешнённой форме сознания).

Этническая самоидентификация vs. национальное самосознание

«Образ мира (или этническая картина мира) является, по мнению этнологов, основной компонентой культуры и содержит в себе все существенные с точки зрения данной культуры знания, необходимые для адаптации каждого её члена к окружающей природной и социальной среде» [Уфимцева 2012: 131]. Вырастая на почве своей культуры, человек «присваивает» себе заложенные в ней доминанты разных уровней

² См. [Волгин 2004].

– начиная с бытовой организации жизни и вплоть до ценностных установок. Идентичность «формируется в онтогенезе на фоне предъявления ребенку в готовом виде образов родной культуры и их вербальных знаков с последующим их творческим освоением и интериоризацией» [Шапошникова 2015: 124], таким образом, ребёнок с детства усваивает, «что такое хорошо и что такое плохо», но, что важно: все ценности ребёнок получает готовыми, и они формируют его самоидентификацию. Но жизнь такова, что на почве русской культуры или лингвокультуры, в основе которых – признание того, что «духовные ценности несопоставимы с материальными благами, коллективное стоит выше личного, а будущее важнее настоящего» [Бубнова 2017: 167], вырастают такие плоды «социокода³ постмодерна» (М.К. Петров, А.И. Субботин), как «рефлексивное самозамыкание интеллектуальной деятельности на себя, которое затем нормативизируется и становится культурной нормой для определённых типов массового сознания»; такое «самозамыкание» сопровождается также отрицанием культурно-ценностных оснований и в целом характеризуется нарушениями основных черт нормальной коммуникации [Субботин 2008: 110–111].

По сути, на ту же проблему избирательности в следовании (или не следовании) ценностным установкам указывает и знаменитый педагог С. Соловейчик: «Отчего одни люди, и в руках не державшие Уголовный кодекс, не нарушают закона, а другие, вызубрив все статьи кодекса наизусть, то и дело попадают за решётку?». В пример Соловейчик приводит известного персонажа: «У одного литературного героя с детства висела перед глазами пропись: “Не лги, послушествоуй старшим и носи добродетель в сердце”. А вырос Чичиков» [Соловейчик 2017: 72]. Выбор педагога-гуманиста – в пользу нравственности, а не культуры: «Нравственный человек никогда не будет ниже своей среды по культурному уровню» [Соловейчик 2017: 54].

Отмеченная проблема встаёт в полный рост при изучении образа мира – как национального, так и индивидуального. Впечатляющих результатов в указанной области достигли исследователи «ассоциативно-вербальной сети», построенной по материалам «Русского ассоциативного словаря» ([Караулов и др. 1994–1998] и [Караулов и др. 2002]) (подробнее см. [Уфимцева 2017]). Таким образом, сегодня нам известно действительно многое о русском языковом сознании, во многом благодаря трудам отечественных когнитивистов и психолингвистов⁴.

Становится очевидным, что без обращения к ценностным доминантам национального сознания невозможно отвечать на вызовы современной языковой и культурной ситуации. Закономерным представляется поиск ответов на эти вызовы в традиционных для русского общества ценностях. «Православие как идеологическая нравственная основа для построения проекта общественного устройства в её содержательной части сохраняет свою жизнестойкость, а значит, человек верующий может стать продуцентом социально сберегающих решений там, где не хватает научно-обоснованных знаний» [Шапошникова 2016: 304]. Таким образом, православное сознание наделяется способностью создавать «смыслы», которые могут стать опорой как устойчивого социального строительства, так и для формирования национальной идеи.

³ Социокод – «основная знаковая реальность культуры, удерживающая в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчленённый на интерьеры мир деятельности и обеспечивающий институты общения» [Петров 1991; цит. по: Субботин 2008: 107].

⁴ См., например, работы И.А. Бубновой, А.А. Залевской, И.В. Зыковой, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, М.В. Пименовой, Е.Ф. Тарасова, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцевой, И.В. Шапошниковой и мн. др.

В настоящее время поиски «национальной идеи» идут как «сверху», так и «снизу». В работах, посвящённых самопредставлениям русских, отмечается, что «в число самых типичных черт характера входила доброта, и по данным “Русского ассоциативного словаря” человек – прежде всего хороший и добрый» [Уфимцева 2017: 51]. Именно о милосердии как о главной черте русских в своём традиционном обращении к народу в канун 2019 года упомянул В.В. Путин [Путин 2018 [http](#)]. Однако, несмотря на то, что «православие является тем системообразующим фактором, который определял и определяет внутреннюю суть русской культуры... и менталитета русских» [Уфимцева 2017: 63], в языковом сознании современных русских, по данным ассоциативных словарей и согласно исследованию [Вендина 2002], настоящей лакуной, «по сравнению с языковым сознанием носителя старославянского языка, является отношение к Богу» [Уфимцева 2017: 62].

Если проанализировать глубже данный парадокс отечественного «формального православия», то можно увидеть, что есть разница между тем, чтобы идентифицировать себя с определённой культурой, и тем, чтобы доказывать своей жизнью, своими поступками принадлежность к ней. «Можно ли сказать, что большая часть населения России имеет сформированное религиозное самосознание, сообразное православной картине мира с богатым и неповторимым набором ценностей? Ответ очевиден – нет. Ведь чтобы пройти путь от самоидентификации до самосознания, необходимо преодолеть рубежи признания ценностей и их практического усвоения» [Цыплаков, Пынтиков 2012: 146]. Этническая принадлежность человека, его идентификация с определённой культурой ещё не делает его носителем соответствующего типа сознания; этническая принадлежность определяется главным образом языком, а национальное самосознание предполагает нечто большее – «осознание общности исторической и политической судьбы с обществом и государством» [Там же: 144], и ключевое значение здесь имеет «практическое усвоение», т. е. реальная деятельность человека, соответствующий образ жизни. Ведь именно социальная деятельность формирует культурно-значимые смыслы, как установлено в ходе разработки теории речевой деятельности. Итак, «национальное самосознание может быть определено как принадлежность к данной общности через признание её языка родным, через единство культуры, через осознание общности интересов и приверженность к определенным разделяемым в этой общности ценностям» [Там же: 143], причём главная ценностная роль всегда отводилась – и до сих пор отводится – религиозному фактору.

Итак, мы убедились в том, что самоидентификация – это «пассивная» форма сознания, а самосознание – активная его форма, где важен субъект не только как реципиент, но и как «продуцент» смыслов в той ценностной области культуры, с которой он себя соотносит. Поэтому, когда в формировании личности «что-то идёт не так», мы вопрошаем не культуру, а ответственное лицо – саму личность, поскольку «объективное не может быть обязующим субъективно (для субъекта)», поэтому «даже поиски самых что ни на есть универсальных принципов, установление каких бы то ни было космических законов ничего не решают в этических вопросах поведения» [Франкл 2017: 66]. Этический выбор субъект делает лично сам. И здесь уместно будет расширить термин «идентичность», или «самоидентификация» и признать необходимость другого, предполагающего ответственность за «идентичность», а именно – «самосознание».

Человеческое сознание и самосознание традиционно является предметом изучения психологии – науки, методы которой активно заимствуются психолингвистикой.

Далее мы рассмотрим, как развивалась психология с позиций фактора религиозности и исследуем влияние религиозной составляющей научного мировоззрения на становление психологического знания.

Психология на стыке наук и мировоззрений

История психологии настолько нелинейна и противоречива, что представляется целесообразным рассмотреть некоторые аспекты её формирования, которые не могли не сказаться и на формировании психолингвистического подхода.

Мы знаем, что филология – это наука, которая «признаётся» в любви слову, её главному объекту; мы ожидаем нечто похожее и от психологии, «учения о душе», но оказывается, что на протяжении всей истории развития этой области знаний душа, её основной объект, практически не упоминается. Со времён Аристотеля и его трактата «О душе» психология была частью философии и медицины. Начиная со второй половины XIX века методы естественно-научных дисциплин оказывают на психологию довлеющее влияние, и это связано с отказом от философских оснований психологии в пользу естественно-научных. Психология, отделившись от философского основания, стала возрастать как ветвь физиологии и «постдарвиновской биологии» (Дж. Лакофф).

Поставленная на «естественно-научные рельсы», мировая и отечественная психология больше не черпала методологическое вдохновение в философии: во-первых, кризис философии привёл к невозможности предложить самостоятельную концепцию науке о душе, во-вторых, в научном сообществе СССР выразитель иной методологии, кроме диалектического материализма, был объявлен *persona non grata*.

В советское время господствовало представление о человеке как о биологическом и социальном существе, и эти два аспекта – онтогенез человека в результате эволюции материи и социогенез под влиянием исторических формаций – исчерпывали подходы, которые были разрешены «к употреблению» в психологии. Произошло то, что В. Франкл называл «тотальностью» или «идеологизаторством» в науке: «Как только появляется притязание на тотальность, биология превращается в биологизаторство, психология – в психологизаторство и социология – в социологизаторство. Иными словами, в этот момент наука превращается в идеологию» [Франкл 2018а: 32].

Другим препятствием для обогащения психологии методологией смежных гуманитарных наук стало отмеченное выше полное отмежевание психологии от тех областей знания, предметом которых изначально был человек: философии, этики, религии. Так, например, «на развитие петербургской психологической школы сильно повлияли не философы и тем более не богословы, которые читали лекции по психологии, а учёные-естественники» [Логинова 2006: 48].

До сих пор распространено мнение о том, что научное мировоззрение не совместимо с религиозным, философским и др. Но мы знаем, что и в советское время трудились учёные, которые не боялись напоминать о возможности (и даже о необходимости) совмещения различных мировоззрений в одном сознании. Об этом, в частности, пишет великий учёный-естествоиспытатель XX века академик В.В. Вернадский, когда объясняет, что невозможно разъединить различные проявления человеческой жизни: «Уничтожение или прекращение одной какой-либо деятельности человеческого сознания сказывается угнетающим образом на другой. Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке» [Вернадский 2016: 209]. Учёный, наблюдая за развитием и ростом науки, отмечает, что «все сто-

роны человеческой души необходимы для её (науки – М.К.) развития, являются той питательной средой, откуда она черпает жизненные силы, той атмосферой, в которой идёт научная деятельность» [Там же]. С ним согласен и прославленный физиолог, творивший в то же время, что и Вернадский, – А.А. Ухтомский: «Относительно религии надо сказать, что ею улавливается одна из сторон действительности, недоступных до сих пор научному настроению» [Цит. по: Ломов [http](#)]. Открытый Ухтомским принцип доминанты приобрёл междисциплинарное значение и стал применяться во всех науках о человеке.

Научное мировоззрение, считает Вернадский, «не есть научно истинное представление о Вселенной – его мы не имеем. Оно состоит из отдельных известных нам научных истин, из воззрений, выведенных логическим путём... из извне вошедших в науку концепций религии, философии, жизни, искусства, – концепций, обработанных научным методом» [Вернадский 2016: 232]. Смена научных мировоззрений – это естественное состояние развивающейся науки.

Т. В. Черниговская отмечает, что о деятельности человеческого мозга накоплено в настоящее время столько фактов, что можно сказать, «что каждая из ветвей общего дерева научного знания о мозге и языке обладает своей собственной правдой» [Черниговская 2013: 59]. Субъективная реальность ускользает от исследователей, как улыбка Чеширского кота: «исследование нейрофизиологических механизмов таких сложных процессов, как метапрезентация и субъективная реальность, пока не представляется адекватным и интерпретируемым» [Там же: 37]. Стремительно развивающиеся науки о человеке – физиология, нейронауки и т.д. – действуя вне взаимодействия с «ненаучными» мировоззрениями, рискуют оказаться – и на деле оказываются – в тупике: «...остановить науку невозможно, но стоит помнить, что чем глубже мы погружаемся в океан знаний о мире, тем опаснее становится это путешествие и тем больше ответственность за звёздное небо у нас над головой и нравственный закон внутри нас» [Там же: 18].

XX век с его гуманитарными катастрофами, на фоне необычайных успехов в науке и технике, примерами пренебрежения к человеческому достоинству и личности поставил вопросы, на которые психологи должны были ответить. Учёный-психолог Петербургско-ленинградской школы Б.Г. Ананьев писал: «Выдвижение проблемы человека в качестве общей для всей современной науки коренным образом изменяет положение психологии в системе наук, поскольку именно психология становится орудием связи между всеми областями познания человека, средством объединения различных разделов естествознания и общественных наук в новом синтетическом человекознании» [Ананьев [http](#)]. Учёный указывал на развитие психолингвистики как науки, которая «объединяет психологию речи и общения с общей теорией языка» [Там же]. И действительно, антропологическая психология Б.Г. Ананьева стала одной из методологических предпосылок психолингвистики, на которые опираются многие современные исследователи (см., например, [Бубнова2017], [Красных, Бубнова 2015] и др.).

Поворот наук к изучению *Homo loquens* на основе естественно-научных принципов выразился в бурном развитии когнитивных наук одновременно с радикальным отказом от объективизма в науке: «реальность, как мы её понимаем, структурирована нашими концептуальными схемами» [Лакофф 2004: 341], при этом концептуальные системы признаются главным источником предрассудков, и наши предрассудки – это, в общем-то, всё, что мы знаем о реальности. Истина провозглашена относительной, а понимание – абсолютным [Там же: 382]. Мы видим, как привычные способы познания

окружающего мира сменяются плюралистическим многообразием подходов, которые возводятся к телесным, более древним, чем построение абстрактных категорий, способам познания. «Иные, кроме классических, логики, метафорические инструменты описания, синкретизм – не прошлое развития культуры, а всё более активно захватывающая интеллектуальное пространство сила» [Черниговская 2013: 26]. В когнитивных науках признанным стал афоризм: «Мозг находится в мире, и мир – в мозгу» [Там же: 46].

Когнитивный подход к значению демонстрирует Шалтай-Болтай в сказке известного любителя нонсенса Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». «Когда я беру слово, оно означает то, что хочу я, не больше и не меньше», – говорит Алисе Шалтай, на что Алиса разумно замечает: «Вопрос в том, сумеете ли вы заставить его означать столько всего разом». Ответ Шалтая приводит к полному поражению Алисиного здравого смысла: «Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай, – и только» [Кэрролл 2019: 86]. Но если для Кэрролла подобный взгляд – это весёлое времяпровождение, когда «у его разума бывали каникулы» [Честертон 2013: 87], то Лакофф серьёзным образом критикует объективистскую парадигму, в том числе, за следование Аристотелевой философии «отражения» действительности: по мнению учёного, изучаемые нами объекты не существуют вне наших концептуальных систем [Лакофф 2004: 341].

Отечественные когнитивные и психолингвистические направления признают объективный фактор среды и «свидетельствуют о детерминированности субъективного опыта объективными средовыми факторами, среди которых основное место занимает предметная специфика деятельности» [Шапошникова 2015: 125]. Если же мы встанем на позицию радикального когнитивизма, провозглашающего телесный опыт основой всего (отдавая ему должное как объяснительной силе многих «ускользающих» от системного анализа явлений, таких, например, как метафора), то мы должны вообще отказаться от независимого от нас образа реальности. Однако «признание реальности объекта заведомо предполагает, что я признаю его реальность независимо от того, имел ли я или вообще кто-то фактическую возможность его познать» [Франкл 2017: 69].

Проблемой когнитивных наук является ответ на вопрос: почему при сходной телесной организации, при всех общих характеристиках человека, связанных с его биолого-видовыми свойствами и культурно-социальным опытом, – при всём единстве того, кого мы можем назвать «человек», – нам не ясна природа таких глобальных отличий в субъективной реальности, внутреннем мире?

Б.Г. Ананьев видел основу общей теории человека в философии, «для которой человек – великая, вечная и универсальная проблема» [Ананьев [http](http://)]. Решение этой великой проблемы учёный видит в рамках материалистического антропологизма, а выход на новый уровень изучения человека связывается с возникновением всё более совершенных инструментов и приборов, которые обеспечивают исследователей всё возрастающим многообразием разрозненных фактов о психической деятельности человека. Но, как отмечает основатель третьей Венской школы психотерапии, автор методики экзистенциального анализа и логотерапии, профессор В. Франкл, «вопрос в том, как получить, как удержать и как восстанавливать единую концепцию человека перед лицом разрозненных данных, фактов и открытий, поставляемых разделёнными науками о человеке» [Франкл 2018а: 31].

Пути объединения этих данных у разных учёных расходятся: если одни исследователи представляют человека как проекцию естественного и общественного, то

Франкл выступает против всякого рода проекций, называя такой подход «редукционизмом»: «Согласно первому закону многомерной онтологии, проекция феномена в различные измерения более низкого уровня приводит к противоречиям, а согласно второму закону, проекция различных феноменов в более низкое измерение приводит к изоморфизму», т. е. неоднозначному толкованию [Там же: 35]. При этом Франкл признаёт, что «многомерная онтология отнюдь не решает психофизиологическую проблему, но она объясняет, почему эта проблема не может быть решена»: «единство человека... нельзя отыскать в биологическом или психологическом измерении, следует обратиться к ноологическому измерению⁵, из которого человек и проецируется на все остальные» [Там же: 36]. Главную задачу и главный мотив жизни человека Франкл видит не в естественном – стремлении к удовольствию (З. Фрейд), не в социальном – воле к власти (А. Адлер), которые суть «всего лишь производные основной заботы человека, его воли к смыслу... То, что я именую волей к смыслу, можно определить как базовое стремление человека найти и осуществить смысл и цель» [Там же: 47–48].

Согласно данным «Русского ассоциативного словаря» [Караулов и др. 1994–1998], у русских «доминанта культуры – поиск смысла жизни – отражается и в структуре ассоциаций, ибо на стимул жизнь одна из самых распространённых реакций – это смысл» [Уфимцева 2017: 51]. Как показывают более поздние, близкие к современности, исследования, «у жизни практически пропали смысл... и цель» [Там же: 75]. Потеря такой культурной доминанты заставляет более пристально присмотреться к этому узловому пункту, поэтому в нашем исследовательском приключении мы переходим к его заключительной части: установлению ценностного, смыслового измерения как ключевого уровня самосознания личности.

Аксиологическое измерение самосознания: «экзистенциальный анализ» Франкла и «нравственная» психология

Подобно тому, как Ф. М. Достоевский ввёл в литературу реализм изображения не «социальных типов», не «голос автора», а настоящих, «живых» людей, дав им возможность высказаться даже до исповедального предела [Бахтин 2017], так и Франкл вернул психологии душу. Главным методом его работы с душой человека стала логотерапия, образцом для которой Франкл считает великую историческую модель «духовной коммуникации», сократовский диалог [Франкл 2018: 92]. «Диалогичность» данного метода демонстрирует принципиальный поворот к душе человека, к «человеку в человеке», по слову Достоевского. Один из его трудов так и называется: «Доктор и душа» [Франкл 2017]. «Поворот к человеку» (или, как иногда говорят, «коперниковский поворот») в принципе характерен для науки XX века, но для нас важна основа этого поворота: центральной темой становится жизнь души человека.

Ключевым моментом учения Франкла можно считать утверждение о том, что смысл жизни человека находится за пределами жизни человека. Он приводит аналогию с самолётом: «Человек чем-то похож на самолёт. Самолёт может ездить по земле, но чтобы доказать, что он – самолёт, он должен подняться в воздух. Так же и мы: если не поднимемся над собой, никто и не догадается, что мы можем полететь» [Франкл 2018: 25].

---

⁵ Понятие «ноологическое измерение» берёт начало в учении В.В. Вернадского о ноосфере: «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – ноосферу» [Вернадский 2016а: 253].

Смысл, по Франклу, осуществляется в деле, которому предан человек, таким образом, учение Франкла смыкается со взглядами отечественных исследователей, работающих в русле теории речевой деятельности. Преданность делу – это первый вид ценностей (деятельности). Франкл выделяет три уровня ценностей: ценности деятельности, переживания и позиции. Ценности переживания реализуются в восприятии человеком окружающего мира, его гармонии и красоты, в наслаждении тем, что ему дорого. Но бывают такие ситуации, когда человеку недоступны первые два вида ценностей... Доктор Франкл прошёл четыре концлагеря, в которых погибла вся его семья, так что ему есть чем понимать положение, когда у человека отнимается всё самое дорогое, кроме ценности самой жизни. И тут выступает на сцену третий вид: ценности позиции, и это – наивысшие ценности. «Возможность воплощать такого рода ценности возникает там, где человек вынужден противостоять судьбе, но противостоять ей может лишь в той мере, в какой он принимает на себя бремя этой судьбы, несёт свой крест» [Франкл 2017: 77]. Пока есть «со-знание», есть и «со-весь», а значит – ответственность. На такую нравственную высоту поднимает Франкл науку о душе – совесть становится предметом психологии.

В отечественной науке наибольшую близость к экзистенциальному анализу В. Франкла обнаруживает новое и достаточно сенсационное для нашей секулярной науки направление – христианская, или «нравственная», психология. Этот подход продолжает традиции Московской психологической школы профессоров Б.С. Братуся, Ф.Е. Василюка, В.И. Слободчикова и др. и развивается в рамках Московской школы христианской психологии. Согласно данному подходу, личность проявляет себя «не в действиях как таковых, а в поступках, то есть действиях, соотносённых с ценностями и идеалами, с определёнными уровнями нравственного сознания, действиях, требующих морального выбора» [Братусь 2019: 248]. Таким образом, христианская психология, как и «общая психология», исходит из деятельностного подхода к человеку, но вводит дополнительное, аксиологическое измерение в смысловое поле личности.

Продолжая идеи школы Л.С. Выготского, – школы культурно-исторической психологии, для которой противопоставление материального и идеального по сути есть нелепость, – христианская («нравственная») психология говорит скорее о противопоставлении добра и зла, в этом и есть ценностное зерно, которое должно прорасти в науках о человеке.

Согласно позиции христианской психологии, связь психологического и вышележащих уровней не является чем-то «надуманным, привнесённым, лишь метафизически умопостигаемым – она может быть обнаружена на примере любого психологического процесса: взятый как таковой, он сам по себе, по сути, бессмыслен и смысл свой (тем более его полноту) обретает лишь в соотношении с другой, более общей (смылопорождающей) сферой [Братусь 2017: 221]. Для «нравственной психологии» важно то, что памяти самой по себе не надо запоминать, это надо человеку; как и мышлению не надо самому мыслить – мысль нужна человеку. Часто такой семиотической областью, средой, в которой человек осуществляет свою деятельность и которая задаёт смысловые доминанты и «универсальные» ценности его сознанию, называют культуру. Но мы не можем понять «сверхсмысл», оставаясь лишь на уровне культуры. Очевидно, что «новое поколение в раздражающем противоречии с принципом универсальности выбирает для усвоения, “интериоризации” из доступного ему культурно-исторического мира одни сегменты и игнорирует другие. Ссылка же на объективную определяемость

этого выбора тем же культурно-историческим фоном означает полный фатализм» [Братусь 2017: 242]. Поэтому культуру никак нельзя считать «перводвигателем», запускающим смыслопорождение индивидуального сознания. Далее мы рассмотрим основные принципы нравственной психологии, эвристичные для разработки аксиологического направления психолингвистики.

1. Личностный подход к человеку

«Смерть субъекта познания» на рубеже XX века привела к тому, что было объявлено: «Бог умер!», «последующий столетний период расчеловечивания человека привёл к печальной констатации, что и “Человек умер!”, по крайней мере, в европейском варианте модели человека» [Слободчиков 2017: 157]. Появилось множество разных «моделей», которые приписывали человеку то одни, то другие характеристики; личность как она есть, сама по себе, оставалась без внимания науки. Христианская психология считает мерой возрастания личности следование евангельской вести о спасении, так что истина воплощена в Христе, она – личностна и вступает во взаимоотношения с другими личностями.

2. Ценность личности в том, что неопределимо

Человек не может быть до конца, до самых глубин «исчерпан» какими бы то ни было видами знания, даже научного, потому что он «во всей потенциальной полноте своего бытия открыт только своему Создателю» [Слободчиков 2017: 163]. «То, что является для нас самым дорогим в человеке, то, что делает его “им самим”, – неопределимо, потому что в его природе нет ничего такого, что относилось бы собственно к личности, всегда единственной, несравнимой и “беспрецедентной» [Слободчиков 2017: 177].

3. Ценностный подход в науке: не «как есть», а «как должно быть»

«Психологическая антропология должна быть не о том, что есть, – как любая наука о природе, а о том, как должно (или может) быть. Иными словами, исходным основанием для неё является не учение об истинности и объективности того, что есть, а о ценности и смысле самого бытия человека» [Слободчиков 2017: 167], поэтому любая деятельность признаётся аксиологически окрашенной, и на вопрос о «возможности мусульманской, буддийской и иных психологий можно решительно и навсегда ответить утвердительно» [Кричевец 2017: 194].

4. Нравственность vs. утилитарность

С. Соловейчик считал нравственным то, в чём нет посягательства на человека [Соловейчик 2017: 51], но с бурным развитием науки человек из цели (как это было у Канта) превращается в средство – это утилитарный подход. «Строгое научное знание о глубинных психических явлениях и состояниях человека оказалось замечательным средством внешнего программирования и кодирования личности. На базе этих знаний разработаны способы оккупации сознания другого и сценирования чужой жизни в собственных целях» [Слободчиков 2017: 159]. Об этой же опасности свидетельствует И.А. Бубнова, отмечая, что главным источником наполнения языкового сознания в последнее время становится «не свободная творческая активность личности, направленная на познание реальности, а организованная извне и транслируемая через различные виды дискурсивных практик информация, которая и определяет содержание индивидуального значения и, таким образом, содержание образа мира человека» [Бубнова 2017: 106]. Как было верно подмечено одним известным музыкантом и искусствоведом, современный человек «и не заметит, что давно перестал принадлежать са-

мому себе. Сегодня, когда можно увидеть по телевизору одновременное уничтожение тысяч людей, а затем переключить программу и понаблюдать весёлое шоу, становится страшно за человека» [Казиник 2018: 155]. Если встать на позицию, утверждающую, что «моральные нормы возникли и сложились после того, как люди осознали утилитарные нормы» [Карасик 2002: 29], то что же тогда обеспечит переход от утилитаризма к «моральным нормам»? Культура без учёта аксиологии не может ответить на этот вопрос. Как отмечает И.В. Шапошникова, игнорирование ценностно-субъективного фактора приведёт к тому, что наука «может оказаться нечувствительной к разрушающим жизнестойкость этноса манипулятивным технологиям носителей определенных ценностных предпочтений» [Шапошникова 2016: 303]. «Эпистемологический анархизм» (Л.Г. Малиновский⁶), или, иными словами, «промывка мозгов» могут осуществляться разными способами: «распредмечивание и протезирование сознания», «софистика и демагогия», «психологическая дрессура под видом психотренингов» и многое другое (В.И. Слободчиков).

5. Цельность «типа знания»

Главным профессиональным приобретением христианская психология признаёт не овладение навыком, а обладание особым – психологическим – типом знания, который имеет самоценность как отличный от других, непсихологических типов знания. «В отличие от навыка, тип знания незаменим. Так, психологический тип знания нельзя подменить физиологией, медициной, этикой или правом» [Братусь 2017: 215]. Особое знание, которое открывается в христианской психологии, заключается в том, что она «делает заявку на самую возможность приведения устремлений, предельных целей и задач своей науки в соответствие с христианским образом и идеалом человека. Но это стремление не исключает, а предполагает соотнесение с другими образами и идеалами, которые иногда прямо, а чаще скрыто, имплицитно присутствуют, стоят за любой психологической концепцией» [Братусь 2017: 229]. У христианской психологии как особого типа знания есть ответы на современные вызовы.

Заключение

Истина, ставшая банальностью, – тот факт, что ежедневно мы окружены нескончаемым потоком информации, причём даже с настроенными «фильтрами» нечто несанкционированное, недопущенное индивидом всё-таки просачивается в сознание: неуправляемое развитие научной мысли приводит к тому, что человек перестаёт контролировать создаваемую им артефактную реальность – ноосферу со знаком «минус». Потеря контроля ведёт к панике и нарастающей зависимости от «входящих сообщений».

На этом фоне всё с большей силой людей притягивает то, что сохраняет ценность даже в информационном обществе, а именно – сама личность, которая стоит за сообщениями, её авторитет и ценность «офлайн». Как невозможно «назначить» праведника – народ сам выбирает, высвечивает его в потоке людей и тянется к такому человеку, – так нельзя и назначить «национальную идею»: она сама должна прорасти как ответ на вопросы, которые задаёт жизнь. Христианская психология выступает за то, что «научный подход вовсе не исключает религиозного, а включает его в себя» [Васильюк 2017: 283], так что в нём должны соединиться два элемента: аксиологические предпосылки и собственно научно-исследовательские элементы.

---

⁶ См. [Шапошникова 2016].

Таким образом, мы можем утверждать, что ценностная парадигма религиозного сознания находится в отношении дополнительности к широко принятому научному методу «общей психологии». Психолингвистику, воспринявшую «нравственную» психологию в качестве методологической базы, можно назвать аксиологической психолингвистикой⁷.

Литература

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания [Электронный ресурс]. URL: http://www.dou4sun.ru/files/File/biblioteka_ananiev-man-reflection.pdf (дата обращения: 20.04.2019).

Артамонова Л.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского и «периферийные» жанры русской литературы // Вестник СамГУ. 2012. № 8/1 (99). С. 153–156.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.

Братусь Б.С. Аномалии личности. Психологический подход. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Никая, 2019. 912 с.

Братусь Б.С. Оппонентные круги христианской психологии // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 196–249.

Бубнова И.А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 97–179.

Василюк Ф.Е. Опыт методологической разметки пространства христианской психологии // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 250–286.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Вернадский В.В. Научная мысль как планетное явление // Биосфера и ноосфера. М.: Книга по требованию, 2016. С. 242–413.

Вернадский В.В. О научном мировоззрении // Биосфера и ноосфера. М.: Книга по требованию, 2016а. С. 184–241.

Волгин И.Л. Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М.: Грантъ, 2004. 768 с.

Зыкова И.В. Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 262–342.

Казиник М.С. Тайны гениев. М.: Изд-во АСТ, 2018. 320 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Т. 1–6. М.: «Помовский и партнёры», ИРЯ РАН, 1994–1998.

---

⁷ Ср., например, с термином аксиологическая этнопсихолингвистика, о котором пишет И.В. Шапошникова ([Шапошникова 2016]).

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1, 2. М.: АСТ–Астрель, 2002.

Красных В.В., Бубнова И.А. Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015. №25. С. 168–174.

Кричевец А.И. О месте христианской психологии в системе наук // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 183–195.

Кузьмина М.А. Метафора как элемент методологии научного познания // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 42–51.

Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье, или Сквозь зеркало и что там увидела Алиса. М.: Лабиринт Пресс, 2019. 137 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Логонова Н.А. О Петербургской-ленинградской психологической школе // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006. Т. 3. № 4. С. 47–56.

Ломов В. Доминанта Ухтомского [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2014/06/21/1030> (дата обращения: 28.03.2019).

Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. 392 с.

Путин В.В. Новогоднее обращение к гражданам России. 31 декабря 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59629> (дата обращения: 28.03.2019).

Слободчиков В.И. Христианская психология как методологическая возможность // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / под ред. проф. Братуся Б.С. М.: Никая, 2017. С. 155–171.

Соловейчик С. Основы и принципы воспитательного процесса. Теория и практика в обучении (по трудам С. Соловейчика); [Сост.: А. С. Русаков]. М.: Амрита, ИД Шалвы Амонашвили, 2017. 224 с.

Субботин А.И. Схемы, кодификации в современной науке о языке // Труды по когнитивной лингвистике: сборник научных статей, посвященный 30-летию юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета. Кемерово: КемГУ, 2008. С. 106–111.

Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. Philology and culture. 2012. №2(28). С. 129–132.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.

Франкл В. Быть человеком означает найти смысл. 100 главных слов. / Сост. Элизабет Лукас. М.: Никая, 2018. 176 с.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018а. 228 с.

Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 338 с.

Цыплаков Д.А., Пынтиков А.П. Секуляризация в России и национальное самосознание: аксиологический аспект // Идеи и идеалы. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/sekulyarizatsiya-v-rossii-i-natsionalnoe-samosoznanie-aksiologicheskij-aspekt (дата обращения: 03.04.2019).

Черниговская Т.В.. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки Славянской Культуры, 2013. 448 с.

Честертон Г.К. Льюис Кэрролл // Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск, СПб., 2013. С. 83–89.

Шапошникова И.В. «Государственность большого стиля» и «государственный минимализм»: актуальные смыслы в структуре русского языкового сознания? // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 120–133.

Шапошникова И.В. Православная культура в науке: аксиологическая этнопсихолингвистика // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 303–323.

REVISITING AXIOLOGICAL ASPECT OF PSYCHOLINGUISTIC METHODOLOGY

Maria A. Kuzmina

Department of General and Russian linguistics,
Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University
Novosibirsk, Pirogova str. 1
mash_room@mail.ru

The axiological approach to the human consciousness as an object of psycholinguistics enables to distinguish a human being not only as a biosocial and cultural organism, but also as someone radically different from the whole living world. These distinguishing features are based on the way the human understands himself, reflects on his place in this world and the purpose of his existence. Culture itself forms a semiotic frame within which a human realizes himself as a part of an ethnic group. However, ethnic self-identification of the individual does not automatically lead to the level of national consciousness, the latter being formed together with the understanding of responsibility, sense of activity and values that guide a person in life choices. Interdisciplinary psycholinguistic approach gains a wider scientific perspective from methodology of psychological science. The article considers the way of psychology as a science from the point of view of its object formation and analyzes the heuristic approaches for psycholinguistic methodology – existential analysis by V. Frankl and Christian, or «moral» psychology.

Keywords: axiological psycholinguistics, scientific worldview, national self-knowledge, moral psychology, religious worldview, Christian psychology, values, existential analysis, ethnic self-identification

References

Anan'ev B.G. Chelovekkakpredmetpoznanija [Man as a subject of cognition] [Elektronik source]. URL: http://www.dou4sun.ru/files/File/biblioteka_ananiev-man-reflection.pdf (retrieval date: 20.04.2019). (In Russian).

Artamonova L.A. «Dnevnik pisatelja» F.M. Dostoevskogoi «periferijnye» zhanry russkoj literatury [«Writer's Diary» by F.M. Dostoevsky and «peripheral» genres of Russian literature]. Vestnik SamGU, 2012. No. 8/1 (99). P. 153–156. (In Russian).

Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. 416 p. (In Russian).

Bratus B.S. (1990). Anomalies of Personality: From the Deviant to the Norm / Boris S. Bratus, Hugh Davis. Orlando: Paul M. Deusch Press, Inc.

Bratus' B.S. Opponentnye krugi hristianskoj psihologii [Opposing circles of Christian psychology]. Hristianskaja psihologija v kontekste nauchnogo mirovozzrenija: kollektivnaja monografija / pod red. prof. Bratusja B.S. [Christian psychology in the context of the scientific worldview: the collective monograph / under the editorship of Prof. Bratus' B.S.]. Moscow: Nikeja, 2017, P. 196–249. (In Russian).

Bubnova I.A. Neopsiholingvistika, ili psiholingvistika lichnosti: novoe napravlenie psiholingvisticheskih issledovanij [Neo-psycholinguistics, or psycholinguistics of personality: a new direction of psycholinguistic research]. (Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologija: novy nauki o chelovekegovorjashhem [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguistic culturology: a new science about the person speaking]. Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. Moscow: Gnozis, 2017, P. 97–179. (In Russian).

Carroll L. (1996). Through the Looking Glass, and What Alice Found There / With fifty illustrations of Sir John Tenniel. The Complete Illustrated Works of Lewis Carroll. London, Chancellor Press. P. 115–233.

Chernigovskaja T.D. Cheshirskaja ulybka kota Shrdjodjeringera: jazyk i soznanie [Cheshire smile of Schrödinger's cat: language and consciousness]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. 448p. (In Russian).

Chesterton, G.K. (1953). A Handful of Authors: Essays on Books and Writers. New York: Sheed & Ward.

Cyplakov D.A., Pyntikov A.P. Sekuljarizacija v Rossii i nacional'noje samosoznanie: aksiologicheskij aspekt [Secularization in Russia and national consciousness: axiological aspect]. Idei i idealy [Ideas and Ideals]. 2012. №3. [Elektronik source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekulyarizatsiya-v-rossii-i-natsionalnoe-samosoznanie-aksiologicheskij-aspekt> (retrieval date: 03.04.2019). (In Russian).

Frankl V.E. (2005). Ärztliche Seelsorge. Grundlagen der Logotherapie und Existenzanalyse. Wien: Deuticke-Verlag. 352p.

Frankl V.E. (2018) Byt' chelovekom oznachaet najti smysl. 100 glavnyh slov. / Sost. Jelizabet Lukas [To be human is to find meaning. 100 main words. / Comp. Elizabeth Lucas]. Moscow: Nikeja, 176 p. (In Russian).

Frankl V.E. (2014). The Will to Meaning: Foundations and Applications of Logotherapy. Expanded Edition. Penguin Publishing Group. 176 p.

Kazinik M.S. Tajny geniev [Secrets of geniuses]. Moscow: Izd-vo AST, 2018. 320 p. (In Russian).

Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russian).

Karaulov Ju.N., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Russkij asociativnyj slovar'. Asociativnyj tezaurus sovremennogo russkogo jazyka [Russian associative dictionary. Associative thesaurus of the modern Russian language.]. Vol. 1–6. Moscow: «Pomovskij I partnjory», IRJA RAN, 1994–1998. (In Russian).

Karaulov Ju.N., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F., Ufimceva N.V., Cherkasova G.A. Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative dictionary]. Vol. 1, 2. Moscow: AST – Astrel', 2002. (In Russian).

Krasnyh V.V., Bubnova I.A. Nekotorye bazovye ponjatija i osnovnye kategorii psiholingvokul'turologii [Some of the basic concepts and main categories of psycholinguistic culturology]. Journal of psiholingvistik [Issues of Psycholinguistics]. 2015. No. 25, P. 168–174. (In Russian).

Krichevec A.I. O meste hristianskoj psihologii v sisteme nauk [On the place of Christian psychology in the system of Sciences]. Hristianskaja psihologija v kontekste nauchnogo mirovozzrenija: kollektivnaja monografija / pod red. prof. Bratusja B.S. [Christian psychology in the context of the scientific worldview: the collective monograph / Under the editorship of Prof. Bratus' B.S.]. Moscow: Nikeja, 2017, P. 183–195. (In Russian).

Kuz'mina M.A. Metafora kak element metodologii nauchnogo poznanija [Metaphor as an element of scientific knowledge methodology]. Sociologicheskije issledovanija [Sociological research]. 2006. No. 2. P. 42–51. (In Russian).

Lakoff J. (1987). Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago; L. 632 p.

Loginova N.A. O peterburgskoj-leningradskoj psihologicheskoj shkole [About Petersburg-Leningrad psychological school]. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2006. Vol. 3. No. 4, P. 47–56. (In Russian).

Lomov V. Dominanta Uhtomskogo [Elektronik source]. URL: <https://www.proza.ru/2014/06/21/1030> (retrieval date: 28.03.2019). (In Russian).

Putin V.V. Novogodnee obrashhenie k grazhdanam Rossii. 31 dekabnja 2018 goda [New year's address to the citizens of Russia. 31 December 2018] [Elektronik source]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59629> (retrieval date: 28.03.2019). (In Russian).

Slobodchikov V.I. Hristianskaja psihologija kak metodologicheskaja vozmoznost' [Christian psychology as a methodological possibility]. Hristianskaja psihologija v kontekste nauchnogo mirovozzrenija: kollektivnaja monografija / pod red. prof. Bratusja B. S. [Christian psychology in the context of the scientific worldview: the collective monograph / Under the editorship of Professor Bratus' B. S.]. Moscow: Nikeja, 2017, P. 155–171. (In Russian).

Solovejchik S. Osnovy i principy vospitatel'nogo processa. Teorija i praktika v obuchenii (po trudam S.Solovejchika) (Sost.: A.S. Rusakov) [Fundamentals and principles of the educational process. Theory and practice in training (on the works of S. Solovejchik) (Comp. A.S.Rusakov)]. Moscow: Amrita, ID Shalvy Amonashvili, 2017. 224p. (In Russian).

Subbotin A.I. Shemy, kodifikacii v sovremennoj nauke o jazyke [Schemes of codification in the modern science of language]. Trudy po kognitivnoj lingvistike: sbornik nauchnyh statej, posvjashhjonnyj 30-letnemu jubileju kafedry obshhego jazykoznanija i slavjanskih jazykov Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings on cognitive linguistics: collection of scientific articles dedicated to the 30th anniversary of the Department of General linguistics and Slavic languages of Kemerovo state University. Kemerovo]. Kemerovo: KemGU, 2008. P. 106-111. (In Russian).

Shaposhnikova I.V. «Gosudarstvennost' bol'shogostilja» i «gosudarstvennyj minimalizm»: aktual'nye smysly v structure russkogo jazykovogosoznanija? [Maximised and minimised statism: on some current semantic changes in the Russian language consciousness]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2015. No. 2 (24). P. 120–133. (In Russian).

Shaposhnikova I.V. Pravoslavnaja kul'tura v nauke: aksiologičeskaja etnopsiholingvistika [Orthodox culture in science: axiological ethnopsycholinguistics]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. 2016. № 2 (28). P. 303–323. (In Russian).

Ufimceva N.V. Jetničeskij jazyk v uslovijah kul'turnoj i jazykovej polifonii [Ethnic language in the conditions of cultural and linguistic polyphony]. *Filologija i kul'tura. Philology and culture*. 2012. No. 2 (28). P. 129–132. (In Russian).

Ufimtseva N.V. Etnopsiholingvistika kak razdel teorii rečevoj dejatel'nosti [Ethnopsycholinguistics as a section of the theory of speech activity]. (Neo)psiholingvistikai (psih)lingvokul'turologija: novye nauki o čeloveke govorjashhem [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguistic culturology: a new science about the person speaking]. Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. Moscow: Gnozis, 2017, P. 21–96. (In Russian).

Vasiljuk F.E. Opyt metodologičeskoj razmetki prostranstva hristianskoj psihologii [Experience of methodological sectoring of the Christian psychology]. *Hristianskaja psihologija v kontekste nauchnogo mirovozzrenija: kollektivnaja monografija / pod red. prof. Bratusja B.S.* [Christian psychology in the context of the scientific worldview: the collective monograph / Under the editorship of Professor Bratus' B.S.]. Moscow: Nikeja, 2017. P. 250–286. (In Russian).

Vendina T.I. Srednevekovyj čelovek v zerkale staroslavjanskogo jazyka [Medieval man in the mirror of the old Slavic language]. Moscow: Indrik, 2002. 336 p. (In Russian).

Vernadskij V.V. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Kniga po trebovaniju, 2016. P. 242–413. (In Russian).

Vernadskij V.V. O nauchnom mirovozzrenii [About a scientific worldview]. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Kniga po trebovaniju, 2016. P. 184–241. (In Russian).

Volgin I.L. Vozvrashhenie bileta. Paradoksy nacional'nogo samosoznanija [The return of the ticket. Paradoxes of national consciousness]. Moscow: Grant, 2004. 768p. (In Russian).

Zykova I.V. Percepcija i frazeologičeskij znak v svete (psih) lingvokul'turologičeskogo podhoda [Perception and phraseological sign in the light of (psycho) linguoculturological approach]. (Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologija: novye nauki o čeloveke govorjashhem [(Neo)psycholinguistics and (psycho)linguistic culturology: a new science about the person speaking]. Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. Moscow: Gnozis, 2017. P. 262–342. (In Russian).